

Поцелуи сделались для Пэй Яо настоящим наваждением: уста суженого были такими нежными, да вдобавок источали едва уловимый, сладкий аромат.

Прежде Чанся в его объятиях ничуть не противился, позволяя творить с собой всё что угодно, но сегодня вдруг испуганно рванулся в сторону.

И в то же мгновение безудержное, дикое беспокойство, подобно яростному пламени, взметнулось из глубин его сердца, в один миг застав взор багровой пеленой гнева.

— Отчего так? — голос Пэй Яо прозвучал глухо и хрипло.

Завидев его грозный облик, Чанся со страху проглотил все заготовленные слова и вмиг притих, не смея более издать ни звука.

Дыхание Пэй Яо было обжигающим, он тяжело дышал от ярости и обиды. Вскинув руку, он мертвой хваткой перехватил подбородок Чанся, силой заставив его запрокинуть голову и обнажить хрупкую, беззащитную шею. Юноша низко наклонился и со всей дури вонзил зубы в его изящный, аккуратный кадык.

Из горла Чанся вырвался сдавленный, полный неописуемого ужаса хрип.

Пэй Яо крепко стиснул зубы, и в сердце его бушевала жестокость; однако стоило ему ощутить под губами эту тонкую живую плоть, как он против воли ослабил хватку.

Горло — место слишком приметное. Если оставить там багровый след, его немедля увидят все домашние и соседи.

К Пэй Яо вернулся ускользающий рассудок. Его грудь тяжело вздымалась, а брови были сурово сдвинуты к переносице, отчего вид у него был крайне свирепый.

Эта разительная разница в росте и телесной мощи окончательно сломила последнее сопротивление Чанся — его руки и ноги безвольно обмякли, и он перестал биться в чужих руках.

Смертный ужас от укуса в горло заставил его какое-то время судорожно хватать ртом воздух, пока он мало-помалу не пришел в себя.

Осознав всю непотребность своего порыва, Пэй Яо почувствовал, как кровавая пелена сходит с глаз, а дикая спесь улетучивается.

Он разжал пальцы и отступил на полшага назад, мучительно нахмутив лоб.

Чанся немного приободрился и, сделав едва заметное движение, попытался отстраниться подальше. Однако спина его уже уперлась в угол бревенчатой стены — отступить было некуда.

Собравшись с духом, он едва слышно, кротко проговорил:

— Так поступать негоже. Это грех.

Пэй Яо еще и сам не до конца разобрался в причинах этой внезапно вспыхнувшей ярости. Услышав эти речи, он вскинул взор и увидел, что Чанся бормочет что-то себе под нос, уставившись в землю и страшась даже взглянуть на него.

Юноша упрямо приподнял бровь, скрестил руки на груди и замер, желая послушать, что еще

тот сподобится сказать.

— Если нас, упаси боги, кто заприметит — честное имя будет навек опорочено, позора не оберешься. Как потом людям в глаза смотреть, как на свете жить?

Чанся плотно сжал губы, и во всем его облике сквозила глубокая забота и страх.

Наконец он отважился поднять глаза и, глядя прямо на Пэй Яо, молвил:

— Дело это вовсе не шуточное. Ты ведь еще совсем глупый юнец и не ведаешь, какой бедой могут обернуться эти игры. Если про то разузнают посторонние, нам и дома-то стыда не обобратся. Впредь упаси тебя бог так делать.

Пэй Яо эти поучения пришлось не по нраву. Что значит — «еще совсем глупый юнец»? Он не несмышлениш семи-восми лет от роду, кое-что и сам понимает! Вот только возразить на это ему было решительно нечего: он и впрямь уродился на три года позже Чанся.

В досаде он огрызнулся:

— Ишь, выискался старший! Раз ты такой взрослый, отчего же ростом не вышел, так и остался недомерком?

Чанся оторопел. Будучи прижатым к бревенчатой стене, он и в самом деле уступал брату в росте добрую голову и сейчас невольно ощутил уколы жгучего стыда за свою неказистую фигуру.

В его душе шевельнулась горькая обида, но, будучи от природы косноязычным, он лишь постоял немного и кротко возразил:

— Я... я вовсе не о том толкую. Не вали всё в одну кучу.

Разумея его слова, Пэй Яо разошелся еще пуще прежнего:

— Это я-то, по-твоему, вздор мелю?!

Чанся отродясь не видел брата в такой ярости, когда тот буквально наступал на него с расспросами. Сжавшись в комок, он испуганно пролепетал:

— Н-нет, что ты...

В обычные дни, коли Пэй Яо гневался, он просто ходил мрачнее грозовой тучи и ни с кем не разговаривал; посидит малость один в комнате, похмурится — и как не бывало, нрав у него был отходчивый.

Папа частенько говаривал, что у Пэй Яо упрямый, ослиный характер, и наказывал Чанся просто не обращать внимания.

Помятуя об этом, Чанся решил помалкивать, дабы в пылу спора не сболтнуть лишнего.

А уж додуматься до каких-то ласковых, умасливающих речей, чтобы унять гнев юноши, его простодушный разум и подавно не мог.

Глядя на этого несчастного, забившегося в угол мальчишку, Пэй Яо исходил глухой обидой.

В такой неловкой тишине прошло несколько мгновений, и Чанся начал заметно беспокоиться.

Папа с остальными мужчинами ушли трудиться на дальние пашни и ближние склоны, да и им двоим давно пора было отправляться на косьбу.

Если и дальше терять драгоценное время, то к возвращению старших они не наполнят и половины коробов. Ладно еще нагоняй получить — дело житейское, но вот если взрослые заподозрят неладное, быть большой беде.

Пэй Яо, судя по всему, и сам прекрасно понимал, что медлить более нельзя. Стоило ему скользнуть взглядом по лицу Чанся, как он вмиг разгадал все его немудреные мысли. Юноша презрительно фыркнул: не начини этот упрямец брыкаться да тратить время, они бы уже давно со всем управились и вышли со двора.

А к поцелуям этим и впрямь тянуло со страшной силой.

В его лета это смутное, природное влечение походило на едва разгоревшийся костер — пламя пусть еще и не взметнулось до небес, но полыхало ровно и жарко. К тому же, вкусив этой сладости впервые в жизни, он никак не мог затушить этот пожар в груди.

И пусть свадьбу они еще не сыграли, но во всей округе от мала до велика знали: Чанся куплен ему в суженые.

Кадык на шее Пэй Яо едва заметно дернулся. Видя, что Чанся хоть и трепещет от страха, но упрямится на своем, юноша помрачнел.

К тому же он не на шутку опасался, как бы этот дуралей и впрямь не пошел жаловаться папе; побоев-то он не боялся, а вот лишиться этой сладости, не отведав её вдоволь, ему очень не хотелось.

Мрачные складки на его лбу разгладились, и он против воли смягчил голос, промолвив:

— Ладно. Коли так, при людях я к тебе более не притронусь. Станем поцелуями тешиться дома, за закрытыми дверями — так никто и не узнает.

Ресницы Чанся испуганно дрогнули, и он с полным изумлением уставился на молодого парня.

— Сам посуди: нам ведь всё одно предстоит сыграть свадьбу, дело это решенное, рано или поздно под один венец пойдем. Так какая беда, коли мы сейчас пару раз прильнем друг к другу? Ты помалкиваешь, я не болтаю — никто и ведать не будет.

Взор Пэй Яо сделался предельно серьезным, и он твердо продолжил:

— Ты мой суженый, я твой законный муж — это дело решенное на веки вечные, от этой доли никуда не деться. Так лучше мы загодя друг к другу попривыкнем, чтобы после свадьбы не тыкаться как слепые щенята.

От этих речей у Чанся окончательно помутилось в голове. Подумать только... а ведь и впрямь выходит складно.

Ему и в самом деле суждено стать фуланом для Пэй Яо, но всё же...

Однако Пэй Яо стоял перед ним каменной глыбой, не думая двигаться с места, и Чанся прекрасно понимал: если он хочет выйти из комнаты, придется уступить.

Мучительно наморщив лоб и призадумавшись, он под конец густо покраснел и едва заметно кивнул головой.

Суровое лицо пригожего юноши в тот же миг озарилось счастливой улыбкой, а в глазах сверкнула буйная радость. Вскинув свои сильные руки, он крепко обнял суженого и, низко склонившись, вновь припал к его устам.

Чанся оказался полностью зажат в этих крепких тисках; широкая ладонь на затылке силой заставляла его держать голову приподнятой. И когда его зубы вновь разомкнулись под настойчивым напором, ему оставалось лишь судорожно ловить ртом воздух в редких промежутках между поцелуями.

*

В пору жатвы созревающая пшеница, палимая нещадным летним солнцем, всегда источает густой, знойный дух подсушенного зерна и летящей пыли.

На золотых нивах, сколько хватало глаз, крестьяне низко гнули спины, споро взмахивая острыми серпами; пот градом катился с их лиц и тел, заливая прищуренные от яростного света глаза.

Пройдя полосу, жнец на миг выпрямлял уставшую поясницу, чтобы перевести дух, и тут же вновь сгибался в три погибели, хватая левой рукой пук колосьев и споро подрезая их под самый корень.

Полдень еще не наступил, но дневное светило уже развернулось во всей своей удушающей мощи.

Чанся облизал пересохшие, потрескавшиеся губы; за неимением платка он просто утер катившийся по лицу пот широким рукавом рубахи.

Проработав так еще какое-то время, он в очередной раз разогнул спину и заприметил на дорожке у межи знакомую фигуру Доу Цзиньхуа, которая скорым шагом спешила к их полю. Юноша облегченно вздохнул: слава богам, наконец-то принесли воду.

Доу Цзиньхуа несла в руках тяжелую плетеную корзину и глиняный кувшин, шагая на редкость резво для своих лет.

Выпустив серпы из рук, Чанся и Чэнь Чжи устроились прямо на земляной меже; налив по полной пиале прохладной мятной воды, они жадно, запрокинув головы, принялись осушать их одну за другой.

Доу Цзиньхуа утерла капли пота со лба, отвязала от пояса собственный бамбуковый тубус и тоже сделала пару глотков. Переведя дух, старушка промолвила:

— Я первым делом к мужикам на дальнее поле заглянула, напоила их, а уж после к вам поспешила.

Заприметив, что Чанся вновь тянется за кувшином, собираясь налить вторую пиалу, она ласково остановила его:

— Постой, постой, сынок, не спеши так. Воды вдоволь, испей не торопясь, это вредно для желудка.

С этими словами Доу Цзиньхуа принялась доставать из корзины принесенные яства.

Там красовались четыре пышные белые маньтоу, миска свежего тофу со специями, блюдо с нарезанной тонкими ломтиками вяленой свиной колбасой, чаша обжаренной зелени полыни и тарелочка с квашеным огородным сельдереем. А вдобавок ко всему — две пиалы с прохладным соевым студнем.

Студень этот был щедро сдобрен темным уксусом, жгучим перечным маслом и мелко рубленным ароматным чесночным луком.

Зелень лука была загодя ошпарена кипящим маслом, отчего его дивный аромат раскрылся в полной мере, служа к тому же прекрасным украшением для бледного студня.

Чанся и Чэнь Чжи подхватили по пиале; острота в кушанье была умеренной, лишь плотный слой багряного масла придавал блюду обманчиво свирепый вид.

Студень был скользким и нежным. Они со звучным чавканьем принялись палочками отправлять его в рот — кислый, освежающий вкус несказанно радовал истомленное зноем нутро.

Оба за утро изрядно проголодались, а потому уплетали обед в большой спешке. Лишь осушив пиалу до самого доньшка, Чэнь Чжи удосужился спросить:

— Матушка, а сама-то ты откушала?

Доу Цзиньхуа качнула головой и ласково ответила:

— Вы ешьте, ешьте. Коли останется чего — я доем, а нет — так ворочусь в дом да пообедаю, в котле еще пара маньтоу дожидается, мне спешить некуда.

Здоровьем старушка была не из крепких, но, слава богам, хвори и недуги обходили её стороной.

Пэй Юва, страшась, как бы престарелая мать не занемогла от полуденного зноя, наказал ей оставаться дома — стряпать обед да кипятить воду, а после разносить провизию по полям.

Жатва — дело двух-трех дней, так что им и самим было под силу управиться с косьбой.

Услышав слова матери, Чэнь Чжи лишь согласно кивнул, не став пускаться в пустые уговоры. Среди своих к чему эти ложные приличия? К тому же голодать старухе не придется — дома еды всегда в достатке.

Чанся одолел полторы маньтоу, а Чэнь Чжи едва управился с одной. Мясная колбаса и квашеный сельдерей исчезли в мгновение ока, на тарелках оставалось лишь немного тофу да жареной полыни.

Доу Цзиньхуа принялась уговаривать их съесть еще хоть кусочек — они целое утро спины гнули, без сытного обеда в поле делать нечего.

Однако оба дружно замахали руками, сыто мотая головами — они и впрямь наелись досыта, а вовсе не из глупой экономии отказывались.

Тогда Доу Цзиньхуа устроилась поудобнее прямо на земле, взяла оставшуюся половинку маньтоу и принялась неторопливо доедать остатки кушаний.

Чанся и Чэнь Чжи посидели еще самую малость, испили по глотку воды и поднялись на ноги, направляясь каждый к своей недожатой полосе.

Всего семейство Пэй владело пятью му суходольных земель. Две му из них считались пашней высшего качества, еще две — средними наделами, а последняя му раскинулась у самого подножия горы; земля там была скудной и каменистой, так что на ней сажали исключительно неприхотливый хлопок.

Сегодня с самого раннего утра домашние разделились: Чанся вместе с Чэнь Чжи отправились убирать хлеб на средние наделы, в то время как трое мужчин семейства Пэй ушли на дальние, тучные пашни высшего качества.

Пэй Юва был в самом расцвете сил, полжизни отдал земле-кормилице и опыта ему было не занимать.

Пэй Яо был молод, силен и полон задора — о его мощи и говорить не приходилось.

За целый день каждый из них без труда мог в одиночку скосить добрую му пшеницы.

К тому же с ними был дедушка Пэй Цзаоань; хоть годы его и склонялись к закату, но старик оставался крепким и в работе ничуть не уступал молодым.

По сравнению с той троицей богатырей, Чанся и Чэнь Чжи казались куда более слабыми жнецами.

Доев остатки обеда, Доу Цзиньхуа подхватила опустевшую корзину и пустилась в обратный путь. Но и дома ей отдыхать не пришлось — знай себе поворачивайся, карауль воду да вари зеленый бобовый отвар, без которого в такую сушь немудрено подхватить солнечный удар.

Пройдя послеполуденный час.

Чанся бросил взор на нескошенный клин пшеницы, который казался еще бесконечно длинным, разогнул спину и утер пот со лба.

На обнаженных запястьях проступило множество мелких багровых точек — следы от укусов острых пшеничных остей; кожа нестерпимо чесалась и слегка пощипывала.

Впрочем, эти пустяки мало его трогали — куда солонее приходилось от этого безжалостного солнца. И хотя самое жаркое время дня миновало, лучи по-прежнему нещадно палили и жгли кожу.

Земля от зноя побелела и пошла трещинами; когда груженные снопами воловь телеги, ослиные повозки да простые тачки-одноколлки проезжали мимо, над дорогой вставали сплошные тучи серой пыли.

Не успел он снова взяться за серп, как на перекрестке дорог показалась до боли знакомая фигура.

Пэй Яо шел размашистым шагом, неся в руках серп и кувшин с водой. Он скинул рубаху, и его мускулистая, крепкая грудь и сильные плечи были полностью обнажены. Природа наделила его такой статью и красотой, что даже сбросивший одежды, полуголый, он приковывал к себе девичьи взоры куда сильнее прочих деревенских парней.

Ян Хуацюэ, несший пустой кувшин из-под воды, спешил к деревне, то и дело со вздохом сетуя на невыносимую душность, как вдруг нос к носу столкнулся с Пэй Яо.

В эти страдные дни на полях то и дело мелькали полуголые мужики, наглядеться можно было на всю жизнь вперед, но вот чтобы и лицом, и статью парень был столь безупречен и радовал взор — такие встречались редко.

Ян Хуацюэ скользнул по нему мимолетным взором и тут же испуганно опустил голову, обходя стороной, а на его щеках проступил густой румянец.

Не успели они разминуться, как вслед за Ян Хуацюэ показалась запыхавшаяся крестьянка, тащившая на спине тяжелую охапку пшеницы. Заприметив спину юноши, она зычно крикнула: «Братец Цюэ!» Их дома стояли по соседству, так что они знали друг друга с малых лет.

Ян Хуацюэ против воли замер и обернулся, одарив соседку приветливой улыбкой:

— Тетушка.

Женщина эта успела родить двоих детей, так что девичьей стыдливостью не страдала. Окинув парня взглядом, она громогласно рассмеялась:

— Ой-ой, надо же, как наш сынок Яо вымахал! Глянь, какая стать, ровно каменная глыба! Сразу видать — знатный будет жнец.

Пэй Яо лишь вежливо улыбнулся и негромко промолвил:

— Тетушка, неужто ваша семья уже всю жатву окончила?

Крестьянка остановилась перевести дух и ответила:

— Да где там! На этой полосе покончили, а муж с сыновьями уже на южные наделы подались. Я вот колоски соберу дочиста — и за ними вслед побегу.

Задерживаться дольше она не стала и, утирая пот, поспешила прочь.

Страда — дело святое, и даже самые завзятые любительницы сплетен понимали, что за пустой болтовней время терять нельзя.

Ян Хуацюэ за всё время не проронил ни звука, послушно следуя за соседкой.

Когда их взгляды с Пэй Яо случайно пересеклись, сказать ему было нечего — он лишь едва заметно кивнул головой и размашистым шагом прошествовал мимо.

Там, на пшеничной полосе, Чанся еще издали заметил, как Пэй Яо беседует с прохожими. Он послушно согнулся, продолжая мерно взмахивать серпом, и лишь когда шаги шуршащей соломы раздались у самого уха, вновь распрямился.

Чэнь Чжи, завидев подошедшего сына, тяжело переводя дыхание, спросил:

— А отец-то твой где?

— Пшеницу на гумно отвозит. Я вот вперед прибежал, да и бабушка там на подворье подсобляет. Кувшин со свежей водой я с собой прихватил, — с этими словами Пэй Яо шагнул прямо на недожатую полосу, где трудился Чанся.

Когда их взоры встретились, Чанся сделалось не по себе.

Пэй Яо отчетливо видел, как по шее брата струится обильный пот, заливая расчесанные до крови следы от укулов пшеничных остей; на коже горели багровые полосы — видать, Чанся не сдержался и знатно почесал зудящие места.

Лицо бедного шуаньэра было испачкано серой пылью, отчего вид он имел самый потешный и чумазий.

В глазах Пэй Яо мелькнула едва заметная, ласковая улыбка.

Крепче перехватив рукоять серпа, он шагнул на полосу и легким толчком отстранил Чанся в сторону:

— Ступай отдохни. Испей воды вместе с папой, а эту полосу я сам добыю.

Чанся, послушно уступив место, подхватил принесенный кувшин и побрел к Чэнь Чжи.

Чэнь Чжи успел срезать еще пару охапок пшеницы и, завидев долгожданную воду, тоже со вздохом опустил серп на землю.

Тем временем высокий, полуголый юноша низко согнулся над колосьями; бугры мышц на его крепкой, загорелой спине мерно перекачивались при каждом взмахе руки.

В отличие от Чанся, который к исходу дня едва держался на ногах от усталости, Пэй Яо благодаря длинным рукам двигался с поразительной быстротой и сноровкой. Его тонкая, талия казалась средоточием недюжинной мужской силы, и во всех его движениях не было ни малейшего следа изнеможения или лени.

<http://bllate.org/book/17875/1726740>